

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

«И нет конца обманам» — самостоятельное, полноценное произведение, любовный роман о травле в школе, предназначенный для взрослой аудитории. Пожалуйста, имейте в виду, что в тексте содержатся триггеры, которые некоторым читателям могут показаться неприятными.

ГЛАВА 1

Хейли

Я мрачно рассматривала поношенную школьную форму. Ткань в клетку. Сине-белая развевающаяся юбка чуть выше колена. Некогда белые чулки (уверена, давно они и правда сверкали белизной) особой свежестью не отличались, но, по крайней мере, заштопанные дырки были на стопе, а не на заметном месте. Белая рубашка вообще-то должна была сидеть по фигуре, но на мне висела мешком — я стала слишком костлявой, а в вещах с чужого плеча и вовсе походила на ребенка. Галстук, по-девчачьи завязанный бантом на шее, делу тоже не помогал. *Уж лучше бы он меня попросту задушил.*

Гаргульи у входа в школу таращились на меня как демоны, и я с трудом сдерживала дрожь. Мне, определенно, доводилось бывать в местах и похуже, и все в этом здании — все эти представители чванливой роскоши — быстро смекнут, что к чему, достаточно лишь взглянуть на мое лицо. По дороге в школу я гадала, вспомнит ли меня кто-нибудь. Узнает ли. Узнает ли меня *кто-то конкретный*. Среди учеников я буду как бельмо на глазу, особенно с желтеющим синяком под глазом и еще не зажившей ссадиной на губе. Впрочем, я стала совсем другим человеком. Не той девушкой, что раньше. Некогда блестящие, длинные волосы цвета тлеющих углей теперь едва доходили до плеч и совсем поблекли, как будто из них тоже высосали всю жизнь. Я очень похудела,

и, хотя переходный возраст давно остался позади, форм у меня практически не было — сказывалось недоедание. При мысли об этом у меня заурчало в животе. Чтобы поесть, надо было дотянуть до ланча.

И, говоря «поесть», я имела в виду тайком стащить яблоко или что-нибудь в этом духе, пока никто не видит. Джилл с Питом не из тех людей, кто даст денег на обед или упакует с собой бутерброды с арахисовым маслом и конфитюром, снабдив их стикером в форме сердечка — мол, «хорошего дня в школе!» Вчерашняя пощечина быстро помогла узнать, что они за люди на самом деле. Чудесная пара. Лучше всех. Идеально подходят на роль приемных родителей, вне всякого сомнения.

Поколебавшись, я взялась за изящную медную ручку двери. Вообще-то надо было дожидаться Энн, моего соцработника, но я предпочитала самостоятельность. Если я чему и научилась за последние несколько лет, так это тому, что никто не позаботится обо мне, если я сама о себе не позабочусь. Энн не будет бросать грозные взгляды на ехидных чирлидерш, смеющихся над моей несуразной одеждой, не даст сдачи, когда богатенький мальчик попытается меня облапать. Всем этим мне предстоит заняться самой.

Хочешь знать, на кого рассчитывать в этом мире, посмотри в зеркало — этому правилу я и собиралась следовать.

— Хейли! Подожди!

Помяни черта. Энн, выпускница Оксфорда, на каблуках бежала по мощенным булыжником ступеням. Легкий осенний ветерок трепал рыжие волосы, в руке был зажат стакан с кофе, который так и порывил выплеснуть через край. При виде драгоценного напитка у меня потекли слюнки. Энн, должно быть, заметила, потому что слегка улыбнулась и вручила мне стакан.

Несколько секунд я наслаждалась теплом, нежным привкусом орехов и сливок. На пустой желудок

ощущение было райское. Я была так благодарна Энн за кофе, что чуть не поблагодарила ее, но вовремя спохватилась и оцетинилась — вообще-то я была не слишком ею довольна. *Какая банальщина* — приемный ребенок злится на соцработника. Знаю, так и есть. Вот только, едва взглянув на высоченное здание частной английской школы «Инглиш-Преп», я снова почувствовала, как разгорается гнев. Когда-то я здесь уже училась, правда, в среднем звене. Мои друзья — хотя на самом деле я имела в виду *Кристиана* — наверняка давно нашли мне замену. Мы теперь старшеклассники. Он, скорее всего, и не помнит меня со времен средней школы. *А вот это неправда, и тебе это прекрасно известно.* Я его определенно помнила. И солгала бы, сказав, что во мне нет слабенькой, едва тлеющей надежды, что он примет меня с распростертыми объятиями.

Я понимала, что пойти в «Инглиш-Преп» было крайне важно, и осознавала почему. Энн здорово постаралась, и благодаря моей блестящей успеваемости ей удалось устроить меня именно в эту школу. Директор предоставил стипендию. Я точно буду отставать от всего класса, потому что за последние четыре года успела сменить три школы. Наверстать удастся не сразу, но у меня в буквальном смысле ничего не было, кроме школы. Если я хотела получить шанс выжить и убраться к чертям собачьим из этого мерзкого городишки, надо было получить стипендию в отличном колледже. Мне надо было сбежать. И выбраться отсюда живой. Обязательно.

— Как тебе Джилл и Пит? Кажется, очень милая пара. Ты хорошо спала? Как форма? Я очень старалась найти твой размер. Кадровая политика запрещает мне покупать тебе что-то со своих денег, так что все пришлось доставать через директора. — Я глотала кофе и мрачно пялилась на Энн, а она болтала без умолку, поглядывая по сторонам. — Ну так что? Как все прошло? Джилл с Питом тебе нравятся?

Нравились ли мне Джилл и Пит? Энн понятия не имела, как отчаянно я хотела бы сказать «да». Она и не догадывалась, как страстно мне хотелось, чтобы они и впрямь оказались милой парой, какой их считали окружающие. Вот только она, как и я, точно знала, что люди не всегда такие, какими кажутся на первый взгляд. А Джилл и Пит были явно исчадьями ада.

— Они ничего, — соврала я. Не имело смысла признаваться, какими злобными и опасными людьми они были. Я пробыла с ними двенадцать часов и успела многое узнать.

Джилл полностью подстраивалась под Пита. Он свистел, когда пустела тарелка, когда хотел пива, и она тут же неслась по желтеющему ворсистому ковру выполнять любое его пожелание. Вчера вечером он попросил ее отсосать ему, хотя их приемная дочь сидела всего в трех футах*, так что я поспешно извинилась и сбежала к себе.

Впрочем, грех жаловаться. У них было лучше, чем в приюте — и лучше, чем в колонии для несовершеннолетних.

Энн тепло улыбнулась мне. Мне так и хотелось вцепиться в эту улыбку двумя руками, ощутить ее поддержку, но я сдержалась.

— Пойдем? — Энн открыла тяжелую красивую дверь, и я осознала, что затаила дыхание. Перед глазами плясали черные точки. Я выдохнула, пытаясь успокоиться. В гигантском холле было пусто и пахло чистящими средствами. Выложенный плиткой пол больше подошел бы галерее искусств или музею. Потолки были высотой не меньше двадцати футов, а через большие, высеченные в них окна струился естественный свет. Пока я таращилась на открывшееся мне огромное пространство,

---

* Примерно 92 см. 1 фут приблизительно равняется 30,5 см. — *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

на ум пришло слово «безупречный». Справа от нас выстроились высокие каменные колонны, и, судя по тому, что Энн, цокая каблуками, направилась как раз к ним, в той стороне располагался кабинет директора.

В определенном смысле я была в восторге — самую капельку. Школа, где тебя будут готовить к колледжу, где можно изучать британскую литературу и астрономию, а не ходить на скучные занятия, где учат различать и писать слова «порок», «порог» и «парок», была подобна глотку свежего воздуха. Кроме того, приятно сменить обстановку и оказаться среди школьников, которые не пытаются завербовать тебя в свою банду, а в обед не продают всякую дрянь в испещренных граффити туалетах. Мне приходилось не только постоянно держаться настороже дома (а таких «домов» я сменила немало), но и давать отпор в школе. Как только на тебя вешали ярлык «ребенок из приемной семьи», рядом тут же возникала определенная группа ребят, которые изо всех сил пытались утащить тебя к себе, иными словами, на дно. Они считали меня такой же сломленной, как они сами. Может, так и было. Но в итоге я сбегала от сомнительных новых знакомств — с каждым разом все быстрее.

Не поднимай головы, Хейли. Держись особняком, Хейли. Не поднимай шум. Не смотри в глаза. Держи рот на замке. Я столько раз повторяла себе эти слова, что потеряла счет.

Я как раз пыталась одернуть юбку (она болталась на талии, так что, к счастью, опустилась еще на дюйм), когда Энн прочистила горло.

— Здравствуйте, я Энн Скова. У меня встреча с директором Уолтоном.

Миниатюрная, изящная пожилая дама, сидящая за шикарным дубовым столом, взглянула на нас поверх очков.

— Да, минутку, пожалуйста.

Энн посмотрела на меня сияющими глазами и ободряюще улыбнулась. Мол, *ничего, не пропадем, сестренка.*

Едва дверь отворилась, Энн быстрым шагом двинулась вперед, а я поспешила за ней. При виде кабинета директора Уолтона у меня чуть рот не открылся от изумления. Помещение было больше моей спальни — любой моей спальни за всю жизнь. Честно говоря, я была почти уверена, что кабинет был больше дома моей третьей приемной семьи — того, где была крошечная рыжая ванная. Сядясь на унитаз, я вечно задевала коленками душевую шторку.

— Директор Уолтон, здравствуйте. Меня зовут Энн Скова. Мы с вами разговаривали по телефону несколько дней назад, насчет Хейли Смит. — Энн пожала руку пухленькому невысокому мужичку, который переводил взгляд с нее на меня.

— Да, наша стипендиантка. — Он откинулся на спинку кожаного кресла и принялся листать документы в папке. — Перевелись из «Оукленд-Хай», так?

Энн взглянула на меня, с намеком изогнув идеально очерченную бровь. Мы с ней опустили в кресла, напоминающие сиденья «Кадиллака», и я, прочистив горло, подала голос.

— Да, из «Оукленд-Хай».

— Хм. — Директор Уолтон продолжил изучать мое дело, и я вдруг ужасно смутилась, осознав всю свою уязвимость. Оставалось лишь гадать, что там было, в моем деле. — Как я вижу, вы посещали еще несколько старших школ в округе, так?

— Да, сэр. — Я едва не назвала его «ваша честь». На мгновение мне показалось, что я снова сижу в зале суда.

Он закрыл папку, сложил руки и взглянул мне прямо в глаза. Раньше я бы смутилась, но не теперь. Я стала другим человеком и никогда не пряталась от противостояния. Я выпрямилась и уверенно встретила его взгляд.

— Политика школы не приемлет насилия, мисс Смит. — Я слотнула и прикусила язык. — Хотя преподаватели «Оукленд-Хай» предоставили вам блестящие рекомендации, боюсь, наша программа покажется вам трудной, учитывая ваше предыдущее обучение в местных школах. Я прекрасно осведомлен о вашей успеваемости и, разумеется, о вашей ситуации, так что скажу один раз, и только один: если не сможете следовать школьным правилам, вас попросят уйти. Ваша стипендия перейдет другому ученику, готовому здесь учиться. Вы умны, это я признаю. Однако, возможно, окажется, что вы не пишываетесь в нашу школу.

На последних словах его взгляд скользнул к синякам на моем лице, розовые губы слегка скривились. Я почувствовала, как затрепетали крылья носа — во мне поднимался гнев, я была в шаге от взрыва, но тут, к счастью, вмешался разум. Я ведь знала, какой у меня вид. Выглядела я невзрачно. Мертвенно-бледное лицо, темные синяки. Под глазами — мешки, пепельные впадины, а голубые глаза давно утратили блеск. От таких как я вечно ждали неприятностей, а мое личное дело явно это подтверждало, особенно происшествие в последней приемной семье. Вероятно, казалось, что мне ни до чего нет дела, хотя это не было правдой. Мне правда было не все равно, какое будущее меня ждет. Я хотела преуспеть. Мне *необходимо* было преуспеть. Если «Инглиш-Преп» могла стать моим билетом из города и пропуском в колледж, где я сумею *выжить*, то я готова прикусить язык. Проглотить резкий ответ, который так и рвался на волю.

— Понимаю, директор Уолтон. Не стоит беспокоиться на мой счет. Я здесь ради образования, чтобы поступить в приличный колледж. Вот и все.

Директор поджал губы, как будто мои слова его не убедили, но все же кивнул, а потом встал. Мы

с Энн поднялись вместе с ним, и он проводил нас до массивной дубовой двери.

Энн на прощание еще раз поблагодарила его за предоставленную мне стипендию. Когда же я собиралась выйти из кабинета вслед за ней, директор вдруг снова заговорил.

— Я возлагаю на вас большие надежды, мисс Смит. Не заставляйте меня пожалеть о моем решении.

В горле у меня встал ком. Я понимала, до чего жалко, что мне хочется плакать, услышав подобные слова от совершенно незнакомого человека, но мне давно никто не говорил ничего искренне.

Энн поджидала меня в приемной и с бодрой улыбкой наблюдала, как я пытаюсь собраться в кучу.

— Готова? Честно говоря, я так взволнована. Мне столько раз доводилось проверять, как там дети, которых я пристраиваю в приемные семьи, но я впервые чувствую такую надежду и волнение. Хейли, тебе будет здорово в этой школе.

Я скованно улыбнулась в ответ.

Энн просияла еще больше, на щеках появились ямочки.

— Ты со всем справишься, Хейли. Иди и заведи нормальных друзей. Постарайся пожить обычной жизнью старшеклассницы, ладно? — Мне на плечи легли теплые руки, а потом она притянула меня в объятия. Я тут же застыла. Меня удивило признание директора Уолтона, что он возлагает на меня большие надежды, но Энн умудрилась вырвать у него пальму первенства. Пока я моталась по приемным семьям, успела сменить трех соработников и всех ненавидела. А вот Энн, кажется, была ничего.

Не знаю, действительно ли ей было до меня дело, но, кажется, после объятия это было не так важно.

— Спасибо, — пробормотала я, когда она отстранилась. Я почувствовала, как слабеют внутренние

щиты, стены, выстроенные мной, чтобы отгородиться от мира, и слегка покраснела. *Ни к кому не привязывайся, Хейли. Она — всего лишь соучастник.*

Точно. Возвращаемся в привычный режим, где всех надо держать на расстоянии вытянутой руки.

— Что ж, ладно, я загляну к тебе как-нибудь на недельке. Дай знать, если что-нибудь понадобится, хорошо? Не важно, во сколько. Позвони мне. Мой номер у тебя есть.

Ответом ей послужил неохотный кивок. Энн развернулась на каблучках и вышла из кабинета, а мне не хватило духу сказать, что, хотя ее номер у меня есть, у меня нет мобильного телефона, а я ни за что не попрошу Джилл или Пита дать мне позвонить по городскому телефону. Пит, скорее всего, попросит что-нибудь взамен, и *ха-ха, простите, но нет, благодарю.*

Миниатюрная дама за столом в приемной выдала мне расписание уроков и карту школы, а потом проводила на первое занятие — урок американской литературы и поэзии. Уж явно лучше, чем в «Оукленд-Хай», где нас учили писать пятистраничные эссе о рассказе, который я прочла еще в седьмом классе.

Сердце грохотало в груди, и я рвано выдохнула. Не думала, что могу так нервничать. Я уже столько раз успела побывать новенькой в школе, должна была подготовиться к этому моменту. Если мне что и удавалось, так это изображать храбрость перед лицом сверстников. Я в совершенстве овладела умением расправлять плечи, выпрямляться в полный рост. А теперь меня будто что-то пожирало изнутри. Храбрость мне изменяла. Я стояла на краю обрыва и смотрела в пучину страха и унижения. Вспомнит ли меня Кристиан? Хоть кто-нибудь вспомнит? В средней школе я не пользовалась популярностью, но разве в этом возрасте хоть кто-то популярен? Все мы были неловкими, страдали от переходного воз-